

Виктория САГДИЕВА

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ УМИРАЮТ

ЛОЩИНА ЧЁРНОГО БАМБУКА

Вспомнилось, как пару лет назад, в холодный октябрьский день, меня со знакомым востоковедом дождь загнал в ресторанчик паназиатской кухни. Мне хотелось узнать, каким он видит Китай, что расскажет о нём. Мне не пришлось долго ждать или самой вытягивать собеседника на эту тему. Потому что как только принесли бамбуковые палочки, его глаза лихорадочно заблестели, и, потрясая ими перед моим лицом, как флагами завоёванных государств, он спросил, что я знаю о лощине чёрного бамбука. «Ну ничего на самом деле не знаю», – растерянно ответила я, воображая милых плюшевых панд, неспешно ломающих стебли и хрустящих бамбуком в лощине так, что слышно в соседней китайской деревне.

Но мне стали рассказывать про ядовитый смрад, подземные ямы, в которые падали люди и терялись. Мне сразу стали вспоминаться несчастные случаи на наших шахтах. Их было много – мы сидели в кафе словно в самом центре лощины смерти. Даже молочный улун стал горчить, как дорожный сорняк, который кипятком случайно залили и назвали чаем. А знакомый не унимался, его рассказ перекинулся в древние времена. Он вещал про бессмертных монахов – сянь. Про то, как они обрастали шерстью и имели двойные зрачки, даже могли воспарять в небо. Я с опаской спросила: «А выли они на луну?». Он засмеялся, а меня зазнобило.

«Без любви нет жизни», – вспоминаю теперь слова мудреца. Мой знакомый не видел любви, только смерть. Для него Китай был мёртвый, как и Кузбасс. А в тот день был горький остывший чай и была я – которая с радостью забыла бы все эти новые знания.

ПРИВЕТ ИЗ ШАНХАЯ

Прошло время, и отлегло от сердца, и, казалось, забылся весь этот неприятный разговор. Дети и складывание оригами. Бумажные кораблики в ручейках, самолётики из бумаги в небе и воздушные

змеи. Всё, что так просто и обычно, есть каждый день, за что не принято говорить спасибо. И снова ожили люди, будто не умирали. Наверное, и я ожила за компанию со всеми – весна...

Но тут, как это бывает, позвонила подруга. Она весело тараторила в трубку: «Васю помнишь? Учился с нами. Из Шанхая вернулся. Встретиться надо!». Ну надо так надо, я разве против?! Интересно, что Вася повидал... А ведь повидал Вася много. И вот квартирная посиделка людей за тридцать. Вася, конечно, гвоздь программы. Он рассказывал про Шанхай, как будто стрелял из автомата: «Тра-та-та-та... Оживлённый город... тра-та-та-та... финансовый центр... тра-та-та-та... есть улица номер один в Китае».

Я не выдержала:

– Вася, а скажи, какие там люди?

– Какие люди? – удивился Вася.

– Простые люди, обыкновенные люди. О чём они говорят, спят ли они ночами или о пандах переживают? О чём они думают, Вася?

– Не знаю я про людей, я не за этим туда ехал, – задумавшись, ответил уставший мужчина за тридцать. – Все работают, времени нет болтать, хотя бы карьеру сделать, особенно молодёжь. Так что семьей не заводят – некогда.

– Что, совсем не заводят? – уточнила приятельница.

– Н-е з-а-в-о-д-я-т, – как-то болезненно отчеканил каждую букву Вася и промокнул платочком испарину на лбу.

Девчонки разом захохотали и решили, что в Китае делать нечего, раз там все такие занятые. После этого разговора гвоздь программы поспешил уйти, дышать стало легче.

«Васин Китай – правда он или вымысел? – думала я. – Так ли выглядит Поднебесная в наши дни? Ведь есть же Шанхай, и в нём финансовый центр, и улица номер один, и все эти занятые, как сам Вася, китайцы, у которых нет даже минутки дыхания перевести, не то что семью создать».

Но Китай не вымирает и не испытывает кризиса демографии. А значит, там живут люди, которые вопреки финансовым центрам остаются людьми. Заводят детей и находят время пить горячий чай вечерами в семейном кругу. А в выходные берут воздушных змеев и запускают в небо. А их дети хохочут громко-громко, так громко, как могут только счастливые дети.

МОНЕТКА

Прогуливаясь в отдалённом от центра города глухом районе, наткнулась на антикварный магазин. Надо было спуститься в подвал, чтобы вдохнуть воздуха старины. Я спустилась и оказалась в мире часов, статуэток, значков и медалей. Тут же ко мне подошёл продавец с недельной щетиной и в помятой рубашке, похожий на хипаря. «Все монеты там», – указал он на прилавок в дальнем углу магазинчика.

Не зная, радоваться или обижаться на то, что меня отнесли к нумизматам, я пошла в указанном направлении. Среди привычных знакомых глазу монет Советского Союза выделялись монеты с иероглифами, подёрнутые зеленью. Посередине каждой была квадратная дырка. «Как будто сушки, – подумала я, – низал на верёвочку и идёшь со связкой по улице». Мне сразу представилась с вязанкой этих монет моя бабушка с тросточкой, ковляющая в магазин за хлебом.

– Красота есть во всём, но не всем дано это видеть, – сказал подоспевший ко мне продавец.

– Ааа... – удивлённо протянула я, пытаюсь вспомнить автора брошенной щетинистым продавцом цитаты.

– Говорю, китайские цяни будете брать? – перевёл он поэтическое отступление на коммерческую основу.

Выйдя из магазина, я держала одну монетку – с чувством, что у меня в руке целая эпоха далёкого государства.

Уже вечером я узнала, что моя догадка оказалась верной. Раньше монеты в Китае и впрямь носили связками на верёвочках. А первые монеты, когда была освоена техника литья, делали в форме сельскохозяйственных и музыкальных инструментов. Монеты-колокольчики. Вот уж, действительно, «красота есть во всём». Свою монетку я положила, чтобы не терять из виду, в берестяную шкатулку на кухонном столе. У неё давно не было крышки, зато я наполнила её синими декоративными шариками. А монетку я положила сверху, теперь она как будто плыла по ним.

Так бы лежать и плыть этой монетке к берестяным берегам по синему морю на моей кухне, но мне принесли сиамскую кошку. Прожила эта голубоглазая бестия со мной неделю и с лёгким сердцем была возвращена вернувшейся с отдыха хозяйке. За эту неделю она успела исцарапать мне руки по плечи, а ноги – до попы, а заодно передрать обои в зале. А моя заветная шкатулка в первый же день

была перевёрнута. Все шарики разбежались по квартире, а монетка бесследно исчезла.

Немного грустно стало вечерами, хорошо было представлять бабушку с тросточкой и связкой звенящих монет, идущую в магазин за хлебом. Ветер разносил мерный звон цяней по нашему кемеровскому двору, но прохожих это не смущало, все улыбались и кивали, встречая старушку. А когда я засыпала, в голове всё мешалось и путалось, и бабушка наконец-то доходила в свой любимый магазин.

– У вас лучший белый хлеб в районе, – говорила она, не торопясь, продавщице, – можно я расплачусь с вами музыкой?

Продавщица широко улыбалась и кивала в ответ, как и все, кто встречал мою бабушку.

– Можно. С вас два колокольчика, – соглашалась женщина-продавец.

Теперь монетки не стало, как и давно умершей бабушки, как и целой эпохи далёкого государства. Наконец я решилась сходить вновь в тот странный антикварный магазин. Но моя попытка закончилась полным фиаско. От вывески магазина осталась только ржавая конструкция, на которой раньше она была растянута. Дверь в подвал оказалась закрыта на внушительный навесной замок. Скоро я узнала, что магазин был закрыт из-за того, что хозяин продавал фашистские значки и другие предметы среди прочих безобидных товаров.

127

ЦИНМИН

*Весна тревожней стала и грустней
И день поминовенья недалёк...*

Ли Цинжао

Всё лучшее в жизни случается незапланированно. Пошла в гипермаркет за продуктами и вдруг наткнулась в книгообменнике, что стоит на входе, на сборник китайской поэзии. На стихотворение Ли Цинжао. Стало удивительно странно. Как будто про нашу родительскую субботу написано!

Цинмин или, иначе, день поминовения предков. В красивом переводе на русский значит «праздник чистого света». Такая родная и знакомая традиция для русского человека – вспоминать своих предков как живых – до сих пор сохранилась и в Китае. А слова, которыми называют этот день в китайском языке – «чисто и ясно» – так похожи на слова, которые описывают место пребывания умерших в русском молитвенном пении: «Где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная».

ЧТО СКАЗАЛ БЫ КОНФУЦИЙ

На следующее утро я пила китайский зелёный чай, как всегда по утрам. Пыталась делать какие-то записи в блокноте. Но вдруг в голову пришёл вопрос: «Что сказал бы Конфуций, если бы прямо сейчас он живой оказался со мной в краю кузбасских шахт и мы пили чай вместе?». Пусть он давно отошёл и покоится в земле, которую от меня отделяют тайга, горы, степи и Великая стена. Но что это значит для людей, которые не умирают в вечном празднике чистого света? Жив ли он? Да, по-прежнему жив, так говорит моё сердце. Так же жив, как и бабушка со связкой монет, идущая в магазин за буханкой хлеба.

«Что сказал бы Конфуций?» – этот вопрос не давал мне покоя. Я достала фарфоровый сервиз. Кстати, фарфор в моём доме made in China. Он стоит в серванте, и я его вынимаю по торжественным случаям. А в то утро как раз такой и случился. Во мне помирились Восток и Запад, живые и мёртвые, и отдалённость Китая стала более чем условна.

Посмотрела в окно и поняла, что ласточки и у нас, и у них в облаках летают. Легко на сердце и светло было в тот день. Налила чай ещё в одну чашку и поставила на стол. Пусть по календарю не Цинмин и не родительская суббота, но разве в другие дни наша память нас подводит и мы не способны вспомнить тех, что когда-то жили? Или они от нас отвернутся?

Не отвернутся. Выпей же чаю, учитель. Чай обжигает ладони фарфоровой кружкой. А я по-китайски знаю, как пишется только иероглиф, обозначающий женщину. Но этого знания хватит, чтобы Китай и Россию сложить в одно оригами. Ведь если есть женщина, то будут дети, уют и китайский чай в фарфоровых кружках.

Я люблю Китай, хотя бы за женщин, что так же, как мы, в детях своих не умирают. И колыбельные в небо летят, там, где ласточки – с двух сторон от Великой стены.

г. Кемерово

